

Поведай о мощи его, воспой его милость — он тот,  
Чье облачение — свет, чей покров — свод.  
Гнева его колесницы — облака с громом,  
Темен путь возницы на крыльях шторма.

*Роберт Грант.  
Из «Гимнов древних и новых»*

О звезды,  
уж не от вас ли — приверженность к лику любимой?  
Может быть, юноша знает его очертанья,  
ясную их чистоту, ясность созвездий познав?

*Райнер Мария Рильке.  
Третья Дуинезская элегия (перевод Т. Сильман)*

Легучие пары поднимаются над всем живущим.  
Ночь бережна и холодна, ангелами населена,  
Молотящими живущих. Освещены заводы,  
Неслышен бой часов,  
Мы вместе, наконец, хотя далеко друг от друга.

*Джон Ашбери. Екклесиаст.  
Из книги «Река и горы»*

## Глава первая

# ЗАКОЛДОВАННЫЙ СОН

К ней приходит сон,  
И со всех сторон  
Собралось над ней  
Множество зверей.

*Уильям Блейк,  
(перевод В. Микушевича)*



**В** долине, осененной рододендронами, близко к границе снегов, где бежал молочно-белый ручей с талой водой и среди великанш-сосен летали голуби и коноплянки, была пещера, наполовину заслоненная сверху нависшей скалой и жесткой тяжелой листвой — снизу.

Лес был полон звуков: звон ручья в каменистом ложе, шорох ветра в сосновых лапах, треск насекомых, крики маленьких древесных зверьков, птичье пение и время от времени — виолончельный стон кедровой или сосновой ветви, трущейся о соседку при сильном порыве ветра.

Это было царство солнечного света, но не сплошного, а пятнистого: лимонно-желтые лучи его прошивали лесную кровлю и упирались в землю между озерцами буро-

зеленой тени. Свет был неспокоен и переменчив: кочевой туман наплывал на деревья, цедил сквозь себя жемчужное сияние и каждую шишку одевал росой, заживавшейся, когда он рассеивался. Иногда влага облаков конденсировалась в изморось, которая не падала, а с мягким шелестом оседала на миллионы игл.

Вдоль ручья, от деревни внизу долины, вернее, просто горстки пастушьих хижин, тянулась тропинка к полуразрушенному святилищу на самом верху, под ледником; там, на вечном ветру высокогорья, развевались линялые шелковые флаги, и деревенские складывали свои приношения — ячменные лепешки и высушенный чай. Необыкновенное сочетание льда, водяных паров и света постоянно рождало радуги наверху долины.

Пещера располагалась выше тропинки. Много лет назад здесь жил святой человек — предавался созерцанию, постился, — и в память о нем это место почитали. Пещера была метров десяти глубиной, с сухим полом — идеальное логово для волка или медведя, хотя селились здесь только птицы да летучие мыши.

Но существо, которое сидело сейчас в горловине пещеры, поглядывая по сторонам и насторожив острые уши, не было ни птицей, ни летучей мышью. Лоснистый золотой мех его горел на солнце, а цепкие лапы поворачивали шишку так и эдак; острые пальцы отщипывали чешуйки и выколупывали сладковатые орешки.

Позади него, там, куда уже не достигал прямой солнечный свет, миссис Колтер грела на керосиновой печке маленькую кастрюлю с водой. Ее деймон предостерегающе буркнул, и она подняла голову.

По тропинке шла деревенская девочка. Миссис Колтер знала ее. Ама уже несколько дней носила ей пищу. Явив-



шись сюда, миссис Колтер сообщила деревенским, что она святая, что она посвятила себя созерцанию и молитве и дала обет никогда не разговаривать с мужчиной. К себе она не допускала никого, кроме Амы.

Однако на этот раз девочка пришла не одна. С ней был отец, и, пока она поднималась к пещере, он ждал поодаль.

Ама подошла к пещере и поклонилась.

— Отец послал меня молить вас о благорасположении.

— Здравствуй, дитя.

Девочка положила к ногам миссис Колтер еду, завернутую в выцветшую ткань. Потом протянула букетик — десяток анемонов, перевязанных ниткой, — и торопливо заговорила. Миссис Колтер немного понимала язык здешних горцев, но предпочитала скрывать это. Она улыбнулась и велела девочке замолчать и наблюдать за их деймонами. Золотая обезьяна протянула черную ладонь. Бабочка, деймон Амы, нерешительно подлетела к ней и села на жесткий указательный палец.

Обезьяна медленно поднесла ее к уху, и чужие мысли тонким ручейком полились в сознание миссис Колтер. Смысл девочкиных слов стал проясняться. Жители деревни рады, что святая женщина миссис Колтер поселилась поблизости от них в пещере, но ходят слухи, что с ней живет кто-то еще, могущественный и опасный.

И жители деревни напуганы. Это другое существо — оно хозяин миссис Колтер или ее слуга? И не дурны ли его намерения? И почему она выбрала это место? Долго ли они тут пробудут? Ама передала все эти вопросы, порожденные множеством опасений.

Деймон миссис Колтер понял их, и через него — она сама. Ей пришел в голову неожиданный ответ. Можно сказать правду. Не всю, конечно, — часть. Она засмеялась



про себя при этой мысли, но не подала вида и объяснять стала серьезно:

— Да, со мной еще кто-то есть. Но бояться нечего. Она моя дочь, ее заколдовали, и теперь она спит. Мы спрячемся здесь от волшебника, который заколдовал ее, и я попытаюсь ее вылечить и убереечь от злодея. Если хочешь, походи посмотри на нее.

Аму наполовину успокоил ласковый голос миссис Колтер, хотя испуг еще не совсем прошел, а после слов о колдовстве и волшебнике она смотрела на нее с еще большим благоговением. Но золотая обезьяна держала ее деймона так бережно, а саму ее так разбирало любопытство, что она вошла за женщиной в пещеру.

Отец Амы внизу сделал было шаг, ворона, его деймон, раз-другой подняла крылья, но он передумал и остался на месте.

День быстро гас, миссис Колтер зажгла свечу и провела Аму в глубь пещеры. Глаза девочки возбужденно блестели в сумраке, и руки безостановочно двигались — большой палец об указательный, большой об указательный, чтобы отвести опасность, смутить злых духов.

— Вот видишь? — сказала миссис Колтер. — Она не причинит вреда. Вам нечего бояться.

Ама смотрела на человека в спальном мешке. Это была девочка, года на три или четыре старше ее, с волосами невиданного цвета — светло-желтыми, как у льва. Губы у нее были сжаты, и она крепко спала — в этом не было сомнения, потому что ее деймон, свернувшись калачиком, лежал у нее на шее и не подавал признаков жизни. Он походил на мангусту, только помельче и с золотисто-рыжим мехом. Золотая обезьяна нежно погладила его между ушей, он беспокойно зашевелился и хрипло мяукнул. Деймон Амы,

принявший вид мыши, прижался к ее шее и со страхом смотрел из-под ее волос.

— Можешь теперь рассказать отцу, что ты видела, — продолжала миссис Колтер. — Никакого злого духа. Только моя дочь — спит заколдованным сном, и я за ней ухаживаю. Но прошу тебя, Ама, скажи отцу, что это надо держать в секрете. Никто, кроме вас двоих, не должен знать, что Лира здесь. Если чародей проведает, где она, он ее отыщет и погубит и ее, и меня, и всех, кто поблизости. Так что ни слова. Скажи только отцу и больше никому.

Миссис Колтер опустила на колени возле спящей, убрала влажные волосы с ее лица, потом наклонилась и поцеловала дочь в щеку. Она подняла голову, улыбнулась Аме, и в ее печальном взгляде было столько любви и терпеливого сострадания, что в глазах у девочки помутилось от слез.

У выхода из пещеры миссис Колтер взяла Аму за руку и увидела ее отца, с тревогой смотревшего снизу. Женщина сложила ладони и поклонилась ему. На лице его выразилось облегчение, а его дочь, поклонившись миссис Колтер и заколдованной спящей, в сумерках побежала вниз по склону. Отец с дочерью еще раз поклонились пещере, зашагали прочь и скоро скрылись в густой тени рододендронов.

Миссис Колтер вернулась к своей печке, где уже закипала вода.

Присев, она накрошила в воду сушеных листьев — две щепотки из одного мешочка, щепотку из другого, потом добавила три капли бледно-желтого масла и стала быстро размешивать. Она отсчитывала про себя секунды и через пять минут сняла кастрюльку с огня и села на землю ждать, когда отвар остынет.

Вокруг валялось снаряжение из лагеря у синего озера, где умер сэр Чарльз Латром: спальный мешок, рюкзак со сменами одежды и принадлежностями для мытья и прочее. В том числе брезентовый чемодан с крепким деревянным каркасом, где лежали разные приборы, переложенные растительным пухом, и пистолет в кобуре.

Отвар остывал быстро в разреженном воздухе, и, когда он охладился до температуры тела, она осторожно перелила его в металлический стакан и перенесла в конец пещеры. Обезьяна бросила свою шишку и пошла за ней.

Миссис Колтер поставила стакан на плоский камень и опустила на колени рядом со спящей Лирой. Золотая обезьяна присела с другой стороны, приготовясь схватить Пантелеймона, если он проснется.

Волосы у Лиры были влажны, глаза двигались под веками. Она уже шевелилась: миссис Колтер заметила, как затрепетали ресницы дочери, когда она ее поцеловала, — скоро Лира совсем проснется.

Миссис Колтер приподняла ей голову, а другой рукой убрала со лба влажные пряди волос. Лира разжала губы и тихо застонала. Пантелеймон чуть передвинулся к ее груди. Золотая обезьяна не сводила глаз с деймона Лиры и черными пальчиками теребила край спального мешка.

Миссис Колтер посмотрела на нее, обезьяна отстранилась и отпустила мешок. Женщина приподняла дочь за плечи; голова у Лиры свесилась набок. Девочка вздохнула, веки ее затрепетали, и она с трудом приоткрыла глаза.

— Роджер... — пробормотала она. — Где ты... я не вижу...

— Ш-ш-ш, — шепнула мать, — тихо, дорогая. На, выпей.

Она поднесла ко рту Лиры стакан и слегка наклонила, чтобы жидкость только смочила губы. Лира провела по ним



языком, и тогда миссис Колтер стала потихоньку вливать отвар, всякий раз дожидаясь, когда Лира проглотит очередную порцию.

Это заняло несколько минут, но в конце концов стакан опустел, и миссис Колтер снова уложила дочь. Как только голова Лире коснулась земли, Пантелеймон перелез к ней на горло. Его золотисто-рыжий мех был так же влажен, как ее волосы. Оба крепко уснули.

Золотая обезьяна тихо пробралась к выходу из пещеры и снова уселась там — наблюдать за тропинкой. Миссис Колтер окунула фланелевую тряпицу в тазик с холодной водой, смочила девочке лицо, а потом расстегнула спальный мешок и обтерла плечи, шею и руки — Лире было жарко. Потом взяла гребень, осторожно расчесала ей спутавшиеся волосы, убрала их со лба и сделала аккуратный пробор.

Оставив спальный мешок раскрытым, чтобы Лира немного остыла, миссис Колтер развязала узелок, принесенный Амой, и достала оттуда лепешки, плитку прессованного чая и пригоршню липкого риса, завернутого в широкий лист. Пора было разводить костер. Здесь, в горах, по ночам стоял лютый холод. Она методично настрогала сухой трутовик, наложила сверху сучков и поднесла спичку. Об этом тоже пора было подумать: спички подходят к концу и керосин тоже, теперь придется жечь костер круглые сутки.

Деймон ее был недоволен. Ему не нравилось все ее предприятие, но, когда он пытался довести это до ее сведения, миссис Колтер только отмахивалась. Повернувшись к ней спиной и всем своим видом выражая презрение, золотая обезьяна продолжала лущить шишку. Миссис Колтер не обращала на нее внимания. Умело





и не торопясь она развела костер и поставила кипятить воду для чая.

Тем не менее скепсис деймона передался ей, и, кроша темный чай над кастрюлей, она снова и снова спрашивала себя, что она, в самом деле, затеяла, не сходит ли она с ума — и что будет, когда об этом узнает церковь. Прав ее деймон: она не только Лиру прячет, она прячет голову в песок.

*Из тьмы появился мальчик и шептал, шептал, с надеждой и страхом:*

*— Лира... Лира... Лира...*

*Позади него другие фигуры, еще более призрачные, безмолвные. Казалось, они знакомы между собой и все одной породы, но лиц их не было видно и не слышно голосов. А его голос не поднимался выше шепота, и лицо было в тени, расплывчато, как что-то полузабытое.*

*— Лира... Лира...*

*Где это было?*

*На огромной равнине, где чугунное небо не давало света и горизонт со всех сторон был скрыт туманом. И голая земля, утоптанная миллионами ног, хотя ноги эти были легче пуха; верно, время выгладило ее, хотя и время в этом краю застыло; значит, все тут было так, как только и могло быть. Самый крайний край, последний из миров.*

*— Лира...*

*Почему они были здесь?*

*Они были узниками. Кто-то совершил преступление, неизвестно какое, и неизвестно кто, и неизвестно, какой судья вынес ему приговор.*

*Почему мальчик все время звал Лиру?*

*Надежда.*

*Кто они были? Духи.*



*И Лира не могла коснуться их, сколько ни пыталась. Снова и снова ее руки попадали в пустоту, а мальчик все стоял и просил о чем-то.*

*— Роджер, — сказала она, но с губ слетел только шепот. — Роджер, где ты? Что это за место?*

*Он сказал:*

*— Это мир мертвых, Лира... Я не знаю, что мне делать... Не знаю, навечно ли я здесь, не знаю, что я сделал плохого, я старался быть хорошим, но мне здесь плохо, здесь страшно, здесь ужасно...*

*А Лира сказала:*

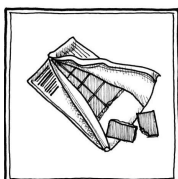
*— Я...*

## Глава вторая

# БАЛЬТАМОС И БАРУХ

И дух прошел надо мною;  
Дыбом стали волоса на мне.

*Книга Иова*



— Помолчите, — сказал Уилл. — Помолчите. Не мешайте мне.

Было это после того, как забрали Лиру, после того, как Уилл спустился с горы, после того, как ведьма убила его отца. Уилл зажег жестяной фонарик, найденный в отцовской сумке вместе с сухими спичками, и, присев за камнем, открыл рюкзак Лиры.

Он пошарил в нем здоровой рукой и наткнулся на тяжеленький бархатный сверток с алетомером. Прибор заблестел при свете фонаря, и Уилл показал его двум стоявшим рядом фигурам, существам, которые назвали себя ангелами.

— Вы понимаете его? — спросил он.

— Нет, — ответил голос. — Идем с нами. Ты должен идти. Идем к лорду Азриэлу.

— Кто велел вам следить за отцом? Говорите, он не знал, что вы за ним ходите? А он знал, — со злостью ска-



зал мальчик. — Он предупредил меня, что вы появитесь. Он знал больше, чем вы думаете. Кто вас послал?

— Никто. Мы сами, — услышался ответ. — Мы хотим служить лорду Азриэлу. А покойный — что *он* просил тебя сделать с ножом?

Уилл замялся:

— Сказал отдать его лорду Азриэлу.

— Тогда идем с нами.

— Нет. Пока не найду Лиру.

Он завернул алетиметр в бархат и положил в свой рюкзак. Потом закутался от дождя в тяжелый отцовский плащ и присел на корточки, глядя на призрачные фигуры.

— Вы правду говорите? — спросил он.

— Да.

— Так вы сильнее людей или слабее?

— Слабее. У вас есть плоть, у нас нет. И все же ты должен пойти с нами.

— Нет. Раз я сильнее, вы мне должны подчиняться. Кроме того, нож у меня. Поэтому приказываю, чтобы помогли мне найти Лиру. Все равно, сколько времени мы будем искать. Сперва отыщу ее и только потом пойду к лорду Азриэлу.

Несколько секунд обе фигуры молчали. Затем отплыли в сторону и стали переговариваться. Уилл не мог расслышать их разговор.

Наконец они вернулись, и он услышал:

— Хорошо. Ты не оставил нам выбора, хотя совершаешь ошибку. Мы поможем тебе найти этого ребенка.

Уилл взглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть их получше, но дождь заливал глаза.

— Подойдите ближе, чтобы я мог вас разглядеть.

Они приблизились, но очертания их стали еще более смутными.



— Днем вас будет лучше видно?

— Нет, хуже. У нас невысокий ангельский чин.

— Ну, раз я не могу вас разглядеть, тогда и остальные не смогут. Будете незаметными. Отправляйтесь и попробуйте узнать, куда делась Лира. Она не может быть далеко. Там была женщина, Лира должна быть с ней — женщина забрала ее. Давайте, ищите — вернетесь и скажете мне, что вы видели.

Ангелы взмыли в грозовое небо и исчезли. На мальчика навалилась тоскливая тяжесть; у него и до схватки с отцом было мало сил, а теперь и они подошли к концу. Только одного хотелось — закрыть глаза. Они будто набрякли и воспалились от слез.

Он натянул плащ на голову, обнял рюкзак и сразу уснул.

— Нигде нет, — раздался голос.

Уилл услышал его сквозь сон и заставил себя проснуться. Наконец (прошла, наверное, целая минута — таким глубоким было его забытье) ему удалось открыть глаза. Было ясное утро.

— Где вы?

— Рядом с тобой, — сказал ангел. — С этой стороны.

Солнце только что встало, под утренними лучами блестя свежим блеском камни, обросшие мхом и лишайником, но фигур нигде не было видно.

— Я же сказал, днем нас труднее увидеть, — продолжал тот же голос. — Лучше всего нас видно в сумерках и на рассвете, хуже всего — на солнце. Мы с моим товарищем обыскали склон горы и не нашли ни женщины, ни девочки. Но есть озеро с синей водой — там, наверное, была у женщины стоянка. Там лежит мертвец и ведьма, съеденная Призраком.

— Мертвец? Какой он из себя?

— Лет шестидесяти с чем-то. Полный, без морщин. Седые волосы. Одет в дорогое и сильно надушен.

— Сэр Чарльз, — сказал Уилл. — Это он. Его, наверное, убила миссис Колтер. Ну, хоть это хорошая новость.

— Она оставила следы. Мой товарищ пошел по ним, вернется, когда выяснит, где она остановилась. Я побуду с тобой.

Уилл встал и огляделся. Гроза очистила воздух, утро стояло солнечное, светлое, и от этого пейзаж выглядел еще более гнетущим: неподалеку валялись тела нескольких ведьм, провожавших его и Лиру к отцу. Черная ворона хищным клювом уже обклеивала лицо одной из них, и Уилл увидел, что в небе кружит птица покрупнее, будто присматривая самый лакомый кусок.

Уилл оглядел все тела по очереди, но Серафимы Пеккала, королевы клана и защитницы Лиры, среди них не было. Потом он вспомнил: ведь она улетела по другому делу еще до темноты.

Так что, может быть, она еще жива. Эта мысль приободрила его, и он окинул взглядом горизонт — не видно ли где Серафины, но кругом было только чистое небо да острые камни.

— Где ты? — спросил он ангела.

— Рядом с тобой, — был ответ. — Как всегда.

Уилл посмотрел налево, откуда шел голос, и ничего не увидел.

— Значит, тебя никто не видит. А слышит кто-нибудь, как я?

— Нет, если шепчу, — язвительно ответил ангел.

— Как тебя зовут? Имена у вас есть?

— Да, есть. Меня зовут Бальтамос. Моего товарища — Барух.

Уилл задумался о том, что делать дальше. Когда выбираешь один образ действий из многих возможных, те, от которых ты отказался, сдуло, словно огоньки свечей, словно они и не существовали. А цепляться за их существование — значит, ничего не сделать. Надо было выбирать.

— Спустимся вниз, — сказал он. — Пойдем к озеру. Может, там найдется что-то полезное. Да и пить хочется. Я пойду так, как знаю, а если ошибусь, ты меня поправишь.

Только пройдя несколько минут по каменистому бездорожному склону, Уилл сообразил, что рука у него не болит. Оказывается, с тех пор, как проснулся, он и не вспомнил о ране.

Он остановился и посмотрел на грубую ткань, которой обмотал ему руку отец после схватки. Она пропиталась мазью, но крови на ней не было. С тех пор как он лишился пальцев, кровь не останавливалась, и теперь у него даже сердце забилося от облегчения.

Для пробы он пошевелил пальцами. Раны, конечно, еще болели, но боль была совсем другая — не та глубокая, выматывающая душу боль, что мучила его еще вчера, а гораздо более слабая, глухая. Как будто раны уже заживали. И это сделал отец. Заговоры ведьм не помогли, а отец исцелил его.

Повеселев, он двинулся дальше.

Путь занял три часа, несколько раз ему указывали направление, и наконец они очутились перед маленьким синим озером. К этому времени во рту у него пересохло, идти в плаще под палящим солнцем было тяжело и жарко; но снять его он не мог — шея и голые руки горели. Он сбросил рюкзак и плащ и последние несколько метров пробежал к озеру, окунул в него все лицо и принялся пить, глоток за глотком, ледяную воду. Она была такой холодной, что заломило зубы и лоб.

Утолив жажду, он сел и огляделся. Вчера он был не в том состоянии, чтобы замечать детали, но сейчас обратил внимание на насыщенный цвет воды и расслышал настойчивый шум насекомых вокруг.

- Бальтамос?
- Тут, как всегда.
- Где мертвец?
- За скалой, справа от тебя.
- Призраков нет поблизости?
- Нет, ни одного.

Уилл взял рюкзак и плащ и по берегу прошел к указанной скале.

За ней были остатки небольшого лагеря — пять или шесть палаток и кострище. Уилл двигался осторожно, опасаясь, что там может прятаться кто-то живой.

Но тишина была непроницаемая, и треск насекомых только царапал ее поверхность. Палатки выглядели нежилыми, озеро было спокойно — по нему до сих пор расходилась рябь от того места, где он пил. Что-то зеленое шмыгнуло возле ноги, и он встрепенулся — но это была всего-навсего мелкая ящерица.

Палатки были сшиты из камуфляжной материи, отчего особенно выделялись на фоне тускло-красных камней. Уилл заглянул в первую — пусто. Во второй тоже. В третьей обнаружилось кое-что ценное: котелок и коробок спичек. И кусок какого-то темного вещества, длинной и толщиной с его предплечье. Сперва он принял его за кожу, но, вытащив на солнце, увидел, что это вяленое мясо.

Ну, нож-то у него есть. Уилл отрезал тончайший ломтик, оказавшийся солоноватым, но не жестким и очень душистым. Уложив мясо со спичками в котелок, а коте-